

Камертон мегаполиса

Михаил КАРПЫЧЕВ

РИМ

Рим – столица объединённой Италии с 1870 года. Основан в 754/753 году до н. э. на семи холмах (Авентинском, Капитолийском, Целлии, Эсквилинском, Палатинском, Квиринальском, Виминальском) у реки Тибр (Tevere), в 28 км от побережья Тирренского моря. Население – около 3 млн. человек. На территории Рима находится независимое теократическое государство Ватикан – центр католической церкви; статус Ватикана утверждён Латеранскими соглашениями 1929 года.

Когда любезный А. Б. Ш., не раз искренно впечатленный моими рецензиями о Вечном Городе, рассыпанными в наших частных, не обеспокоенных торопливостью беседах деликатнейшим и одновременно преизящнейшим образом изволил предложить мне излить мои импресии на бумаге для публикации в журнале «Новосибирск» (вот как в старину-то

писали! Самому читать приятно! – М. К.), то вопроса, как начинать эти мемуары, для меня совершенно не существовало. Начало было А PRIORI ясно, как солнечный день в вышеназванном населенном пункте. Разумеется, с «Римских каникул», с великой кинокартины – великой не потому, что встреча принцессы и журналиста была чистым чудом, а потому что их расставание было чистой правдой (несмотря на жесточайшие канонические голливудские законы хэппи-энда). История в незабываемых лицах Одри Хепберн и Грегори Пека, даже точнее – её финал, тут же встала у меня перед глазами. «Какой город Вам запомнился больше всего в Вашем путешествии?», – спросили у принцессы репортёры. Она начала дипломатически занудно, как ей подсказывал сзади стоящий министр: «Все города хороши по-своему...» И тут она запнулась и продолжила «по душе своей», а не по протоколу –

Карпычев Михаил Георгиевич родился в 1952 г. в Баку, с 1990 г. живёт и работает в Новосибирске в Государственной консерватории имени Глинки. Пианист, профессор, доктор искусствоведения. Автор 15 книг, из них 7 – по специальным вопросам музыковедения и игры на фортепиано, 8 – поэтических сборников (в том числе две поэмы – «Курортный романс» (2009), «Один» (2010), «104 страницы про жизнь и смерть» (2016).

«Рим! Конечно, Рим!» Каменная душа должна быть у человека, у которого в этот момент фильма не пролилась святая слеза (вот он где – истинный катарсис!) – если уж она пролилась у немыслимого по своей красоте и ещё большего обаянию Грегори Пека (даже в «Снегах Килиманджаро» и в «Банковском билете...» он не так сногсшибателен и лучезарен, как в «Римских каникулах»).

Да, безусловно: Рим! Как и у принцессы, именно мои римские каникулы, отпускные дни в Риме запомнились сердцу моему больше всего, больше и глубже множества европейских городов, где я бывал. И начиная сейчас эти воспоминания, лестные для меня хотя бы по причине следования перу Николая Васильевича, имевшего дурное пищеварение и поэтому обедавшего три раза в день (сначала съедавшего своё, а потом то, что видел у соседей по ресторану) перед и после кофия в легендарном «Греко» в ста метрах от Испанской Лестницы, я испытываю совершенно то же самое чувство счастья, которое я испытывал и, надеюсь, ещё испытаю, ВХОДЯ В РИМ. А жил, кстати, Гоголь в двух шагах от Piazza di Spagna – на Via Sistina, несколько домов направо от Trinita dei Monti, на втором этаже. Там и доска висит.

Однако вопрос передо мной всё же возникал – не как начать, а как в принципе писать? Возвышенно или сухо, иронично или серьёзно, поэтично или путеводительно, хронологично или безвременно? Стилистика, как и законность, и история – многолика. Подумав две рюмки, я принял волюнтаристское решение. Основания следующие: по своему читательскому опыту я знаю, что легче всего читается

текст, где автор идентифицирует себя с читателем, последовательно ведя его «за руку» по повествованию. Они идут вместе – без затей и авторских ужимок. В общем, одним словом – просто. Как автор шёл сам в первый раз. Надеюсь, читатель простит мне автоцитату – из моего стихотворения «Слова Шопена». Здесь она действительно уместна:

«Последней приходит простота»,
Свободная от украшений,
В граните правильных решений,
Мудра, спокойна и чиста.

Со временем поймёшь и ты
Ненужность слов, помимо нужных,
Улыбок весело-натужных
И тщетность вечной суеты.

Со временем оценишь ты
Изысканность английских линий,
Несложность юного Россини,
Талант высокой простоты.

Последней приходит простота
Земли, крестов, камней, оградок,
Весенних бережных посадок...
Последней приходит пустота.

Так что мы пойдём другим путём, без гоголевской художественности, Аннунциаты, Пеппе, сеньор Тутты, Сусанны, Чечилии ... и отсутствия абзацев на странице. Scuso, Niccolo.

Мы с женой жили в Анцио (там была, между прочим, большая битва во время Второй Мировой) – час на электричке от Рима. Анцио – грязный и захолустный городок на побережье Тирренского моря, говорить о нём незачем. Но всего час от Рима на двухэтажной и кондиционированной электричке (без контролёров, *entre nous...*) – большой плюс этого городка (направление на Nettuno). Электричка хороша ещё и потому, что вокзал в Риме (Termini) находится в самом центре города и на месте стыка всего двух линий метро. Вы-

ходишь из электрички в центре города, полчаса пешком до Колизея.

Наперекор всем изрядно надоевшим законам литературной драматургии и точке золотого сечения, которую, кстати, вычислил ленивый и не доводящий ни одного дела до конца итальянец из крошечного городка в Тоскане, городка с названием Винчи... а звали того итальянца Леонардо – я сразу расскажу о своём самом большом впечатлении в Риме. Совершенно закономерно и абсолютно не удивительно, что это впечатление находится на некоторой периферии списка основных римских достопримечательностей – Колизея, Ватикана, Пантеона, Треви... Не удивительно потому, что ТВОИМ главным впечатлением, главным открытием становится то, что ТЫ открываешь – в той или иной степени САМ. Колизей не может быть твоим открытием.

Моё открытие называлось San Giovanni in Laterano – Собор Святого Иоанна в Латерано. Латерано – район Рима (три остановки на метро от Termini). Святой Иоанн – один из двенадцати учеников Иисуса, апостолов в самом тесном и непосредственном значении этого слова, брат апостола Иакова (Старшего) Зеведеева, Евангелист (автор четвёртого Евангелия). Сам собор велик, прекрасен и т. д. и т. п. В нём, просторном и светлом, стоят по обеим сторонам центрального широкого нефа двенадцать огромных статуй апостолов (с Павлом вместо Иуды). Впечатляет безо всякой иронии. San Giovanni – резиденция Папского престола до Авиньонского Пленения и до San Pietro.

Но это цветочки. Вскрываю интригу и бережно перехожу к ягодам. Рядом с главным зданием со-

бора находится строение, ничего из себя внешне не представляющее, это – своеобразный саркофаг для лестницы (для читателя, да и для писателя, заново всё переживающего, раздаётся набат барабанной дроби): для лестницы, именуемой Scala Santa, Святой Лестницы. Эту мраморную лестницу в 28 ступеней, привезла в Рим Елена, Святая Елена, мать императора Константина, узаконившего в IV веке Христианство.

И тут уже слёз не удержать – по этой самой лестнице поднимался Иисус на встречу с Понтием Пилатом. Я трогал эти ступени руками. Я ЭТО ТРОГАЛ.

В общем, я – атеист, и в то, что можно из воды сделать вино («Мечты, мечты – где ваша сладость?»), как на свадьбе в Кане Галилейской (Евангелие от Иоанна: 2,7 – 9), и «Пятью хлебами и двумя рыбами» накормить пять тысяч «мужей», то есть, не считая женщин и детей (Марк: 6,41), не очень верю и тем более не очень верую. Но главная «фишка» даже не в этом, а в том, что после этого обильного застолья ещё «набрали кусков хлеба и остатков от рыб двенадцать полных коробов» (Марк: 6,43)! Это действительно потрясает – то ли столь умеренный в ту пору еврейский аппетит, то ли гипербола художественного вымысла автора...

Да, я – атеист, но здесь, в San Giovanni, стоя рядом со Scala Santa, видя, как входят калеки на костылях, одноногие немощные и двуногие здоровые европейцы, негры, азиаты и сами (или с помощью родных или проводников) встают, отбросив костыли, на колени и восходят на эту «Голгофу» – потому что по ЭТОЙ лестнице ногами не ходят, поднимаются ТОЛЬ-

КО НА КОЛЕНЯХ – ПОНЕВОЛЕ УВЕРУЕШЬ. Это, уж простите за сравнение с образом Довлатова – СЕАНС самой высокой искренней пробы, самой высокой ВЕРЫ И ЛЮБВИ. Здесь не играют, не притворяются. Поэтому я стоял, плакал и смотрел – и не поднимался. Не верую, потому и не имел права. И сейчас вот пишу, вспоминаю и опять, что ты будешь делать, плачу. Как тогда.

Куда же ведёт эта лестница? Эти двадцать восемь ступеней вверх? Наверху – camera, то есть комната, туда не пускают, но есть зарешённое окошко, можно комнату увидеть. Это – Sancta Sanctorum, Святая Святых, аналог Сакрального Места под таким же названием в Переносном Еврейском Храме – Скинии при Моисее, потом в Первом храме Соломона и Втором храме Ирода в Ершалаиме. В Святой Святых евреи хранили Ковчег Завета.

На один абзац отвлекусь от темы, чтобы пояснить немаловажную деталь – не раз убеждался в том, что российские граждане не очень правильно (мягко говоря) понимают, что такое «Завет» в религиозном контексте – Ветхий Завет, Новый Завет... Завет – это Союз. Союз Человека с Богом – Ветхий с Яхве, Иеговой; Новый – с Троицей: Богом – Отцом, Иисусом, Богом – Духом в облике Голубя. Это Основа Основ, «Санкта Санкторум».

В римской Sancta Sanctorum находится личная исповедальня Папы, по стене – надпись на латыни «Нет более святого места на земле, чем эта комната». Вероятно, это так и есть, во всяком случае, для католиков. Моё неверие в Бога распространяется и на Бога Католического – но, как я думаю,

собственно Божественное здесь не имеет решающего значения, здесь важно другое – высочайшая духовность (рядом с банками и магазинами), которой вдохновлён воздух San Giovanni. Бессмертен, скорее всего, не сам человек, а вот эта духовность, намоленность этих ступеней, камней, стен...

Мы вышли из San Giovanni. День, разумеется, солнечный; небо, само собой, голубое. Иначе летом в Риме не бывает. Обедать рано, продолжим осмотр. Куда нам плыть – ясно: мы в Престольном Граде или нет? Рим – город небольшой, говоря о великой антично-исторической его части, поэтому через полчаса (или меньше, если на метро) мы уже стоим, онемелые, напротив Basilica San Pietro – Базилики Святого Петра, Святого Престола, Ватиканской Святыни. Поклонимся, осознаем, ГДЕ мы находимся, ГДЕ дышим.

Собору Святого Петра посвящено столько строчек, абзацев, глав, книг, диссертаций, путеводителей, стихов, романов, поэм... Фамилии их авторов производят неизгладимое впечатление – особенно рядом с фамилией автора данного очерка. Тут остаётся только один выход – описать свои личные впечатления, это и достоверно, и неповторимо (как говорил Олег Табаков хранящим партийное молчание членам приёмной комиссии спектакля во времена Советского Союза: «Я понимаю, что мнения у вас пока нет, но ведь впечатления должны же быть!» Так и хочется добавить сибирский слоган – должны же быть ВСЯКО-РАЗНО!).

Пытаясь избежать банальностей, приступаю к впечатлениям.

Прежде всего – величие, масштаб. И сама площадь перед собором с бесконечной очередью (вход,

кстати, бесплатный; очередь большая и слева от входа в собор на почту, где люди посылают домой открытки с марками со штемпелем государства Ватикан, то есть изысканным нестандартным римским сувениром; марки обычно с портретом правящего Папы) и фасад самого здания, колоннада Бернини – потрясают. Фасад, помимо всего прочего, сразу запоминается тем, что не обычен для церкви. Он более напоминает трёхэтажное здание с куполом Микеланджело. Колоннада, площадь и улица перед ними расположены в форме ключа – и это не случайно, разумеется. Ничего случайного здесь быть не может – *noblesse oblige*.

Почему ключ? Точно так же, как в San Giovanni, потрясает, прежде всего, достоверное, из сегодняшнего мыслимого ряда вон выходящее, аутентичное (лестница I века со святыми следами), так и в San Pietro невозможно себе представить, невозможно осознать в качестве объективной реальности факт – в соборе «реально» похоронен Святой Пётр. Тот самый. Камень, Кифа («скала» по-сирийски), Преемник, Первый Папа в истории Человечества. Тот, кому Иисус сказал: «Я говорю тебе: Ты – Пётр, и на сем камне я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её; и дам тебе ключи Царства Небесного» (Матфей: 16, 18-19). Поэтому – ключ. Поэтому Святой Пётр всегда, на всех картинах и статуях изображён с ключами. Хотя есть исключение – на фреске «Последний ужин» (в русском варианте «Тайная вечеря») Леонардо да Винчи в Соборе Санта Мария делле Грации в Милане Пётр изображён держащим нож за спиной – потому что назавтра, во время ареста Иисуса этим ножом он от-

сечёт ухо рабу первосвященника Каиафы Малху в Гефсиманском Саду, за рекой Кедрон.

Наличие могилы Петра в Соборе потрясает прежде всего – а не купол Буонаротти или колоннада Бернини, то есть не то, что РУКОТВОРНО.

Внутри Собора дыханье в первую секунду прерывается от его высоты и размеров – действительно, цель была достигнута: чувствуешь себя песчинкой в Доме Господа. Никакие слова не адекватны первому впечатлению входящего в Собор Святого Петра. Не буду говорить ни о сидящем чёрном Петре с истёртой от рук прихожан ногой, ни о Балдахине Бернини, ни о кафедре Святого Петра того же Бернини, ни даже о Сикстинской капелле (конкретно имею в виду потолочную роспись Микеланджело «Страшный суд»), где кардиналы выбирают нового Папу, а на площади толпа ждёт белого дыма из трубы... Нужно ехать и смотреть. Но никаких сил не хватает, чтобы хотя бы несколько слов не сказать о «Пьета» Микеланджело. Как войдёшь в Собор – направо, за бронированным стеклом.

«Пьета» («Скорбящая Богоматерь») была создана Микеланджело в 1500 году, ему было тогда всего 25 лет, совсем молодой парень. Снятый с креста Иисус на руках матери, внешне очень юной для тридцатитрёхлетнего сына. Поражает, прежде всего, то, чего никак в этой трагедийной сцене вселенского масштаба ожидать невозможно: абсолютный покой облика и матери, и сына: сразу приходит в голову русское слово «покойник». Не знаю, почему, но, смотря на покойного Христа, я вспомнил, что последними словами Бориса Леонидовича Пастернака были слова

поразительные для лежащего на смертном одре человека: «Я рад». Не выражали ли эти слова последнюю мысль поэта об удовлетворении выполнением своей миссии на Земле, о спокойном уходе, согретом радостью выполненного перед человечеством долга? Нужно ли говорить о том, что эта мысль по сути своей, по сокровенной сердцеvine своей – мысль абсолютно христианская по той простой причине, что именно Иисус, а не кто-то другой, обладал кровью политым правом на эту мысль, на это переживание, на эту жизненную и посмертную концепцию.

Лица совершенно европейские безо всякого намёка на какие-то иудейско-семитские черты. Мария – настоящая узколицая итальянка, очень красивая даже при том, что выражения глаз не видно, веки опущены, взгляд устремлён вниз на сына на руках. Как же, каким средством скульптор выражает чувства женщины и своё отношение к ней, главной героине скульптуры (напомню всё же, что названа композиция «Богородица», а не «Христос»)? Средство это – выражение левой руки Марии (если есть выражение лица и глаз, то почему не может быть выражения руки?). Положение руки и пальцев для того, кто смотрит на эту, безусловно, в целом статическую скульптуру, ясно выражает действительно немой вопрос: «Как это могло случиться? Он действительно мёртв? Что делать? Как жить?» Думаю, что мысль моя понятна. Ведь только левая рука Матери находится в свободном движении, руки Сына мертвы, правая рука Марии поддерживает тело Иисуса.

Полагаю, пора вернуться к брэнной, но радостной жизни в её наиболее приятной ипостаси: пора

обедать. После San Pietro, конечно, проза, но в итальянском исполнении проза замечательная. Когда мы только собирались в Рим, то купили очень хороший путеводитель по Риму популярного во всём мире издательства «Берлицц», где есть раздел «Где поесть» с примерными ценами и по нему нашли нужное нам место. Что же нам было нужно? Нам хотелось народной, домашней, традиционной итальянской еды без выкрутасов «высокой кухни», без намёка на «фастфуд», без столичного лоска и глянца. И, разумеется, не очень дорого (а лучше просто недорого). Понятно, что можно зайти в Supermercato, то есть в Супермаркет и закупить вкуснейших вещей по очень доступным ценам по сравнению с рестораном, но мы это практиковали регулярно, а вот один раз всё же хотелось в римский ресторан, на память, так сказать.

Заведение, выбранное нами, называлось Del Pallaro – в самом «тихом» центре, от площади Навона нужно идти к Кампо деи Фиори (Поле цветов), где был сожжён Джордано Бруно в 1600 году, а сейчас популярный рынок продуктов и цветов. И через минуту – наша римская точка общепита. Предварительно всё же нужно сказать, что итальянская кухня – это отдельная песня со специальным предметом исследования в специальной статье (лучше книге). Коротко – это в принципе очень просто и очень вкусно одновременно. Стоит на следующих «китах» – оливковое масло, помидоры, хлеб, паста (макаронны «в ассортименте»), рис, сыр, frutti di mare (морепродукты)... Основной «деликатес» – окунуть хлеб в оливковое масло (желательно в масло extra virgin – первого отжима), поднести ко рту, пережевать. Повторить процедуру

при необходимости. В общем парадигма несложная, но верная: каков народ, такая и кухня. Итальянцы в своём большинстве люди простые, бедные, искренние, открытые, шумные, весёлые, небритые, толстые, уличные, футбольные, песенные, верующие, красивые, чадолюбивые, мамолюбящие, винопьющие, разговорчивые (устал, однако)... Такая и кухня. По поводу французских «мишленов» обычные итальянцы не озабочены ни в малейшей степени.

Теперь – по порядку нашего исторического посещения итальянской trattoria (аналога нашего трактира, то есть по своей исторической сути придорожного заведения, расположенного у тракта). Нашли не без труда в лабиринте переулков (Largo del Pallaro, 15 – тел. 06-688-01-488). У входа стоял пожилой римлянин – хозяин. Дальше к нашей радости стало ясно, что мы пришли в семейное предприятие: старик с удовольствием взглянув на «Берлитц» в моих руках, повёл нас внутрь. И мы оказались... в кухне, где у плиты стояла жена хозяина. Потом вошли в зал (сидеть на улице было невозможно – нигде в Европе нет летом такой жары, как в Риме, Венеции и Севилье) и сели за столик. Скатерть была не антикварная, но что-то историческое в ней было. Все эти фольклорные приметы нам страшно нравились – мы попали, куда хотели. К нам подошёл явно сын четы, исполняющий роль официанта – без фрака, без фартука, без носок, без блокнота, без проблем (как все итальянцы)... Добавлю важную деталь – без меню, которое в этом заведении не предусмотрено: что дадут, то и едят (мы, правду говоря, об этом знали – «Берлитц»

предупредил). И это нам было по душе. Сын улыбнулся, поняв, что мы иностранцы, и говорить с нами не на чем (итальянцы на иностранных языках говорят ещё хуже русских; русские по этому поводу комплексуют – итальянцам абсолютно наплевать). И удалился, вскоре вернувшись с кувшинчиком ледяного белого вина и гранёными стаканчиками, изготовленными явно в значительном отдалении от фарфоровых мануфактур Севра и Майсена. Рядом сидели две компании пролетарского вида итальянцев – и это было здорово, потому что стало понятно, что место, во-первых, не туристическое (слава Богу!), во-вторых, популярное у местных товарищей, то есть качественное и недорогое. Праздник начался!

Мы запомнили этот обед, без преувеличения, на всю жизнь. Мы были счастливы в Del Pallaro – и, конечно, не только от еды – одно только сознание того, что мы сидели в римской «глубинке», в открытую дверь светило итальянское Sole, рядом по-итальянски хохотали не худые *gomani*, вино было отличное (в Италии плохого не бывает)...

Кстати, о вине – если вам нужно привезти вино из Италии в подарок, нужно покупать совершенно определённое вино, один из символов Италии – красное Chianti Classico, на горлышке на этикетке должен быть чёрный петух (Gallo nero). Стоит недорого – 5 – 10 евро. Два слова о нашей вкуснейшей еде: чечевича, помидоры, прошютто (итальянская ветчина), оливки, моцарелла, фокаччо (хлеб с чесноком), какие-то жареные котлетки (мы так и не поняли, из чего они), паста двух сортов (pomodoro и carbonara), жареная телятина, тирамису, мороженое, капучино.

На столе стояли balsamico и pesto – неповторимые итальянские соусы. Сын – официант нас сфотографировал, мы заплатили 50 евро и ушли – опять через кухню, попрощавшись с родителями. Немного своих дней, ушедших в прошлое, я хотел бы вернуть: этот один из них. Grazie, Del Pallaro.

Нам было пора на вокзал на электричку, чтоб успеть на поезд в 16.05 – так мы успевали, помимо основной экскурсионно-познавательной программы, ещё и вкусить того, что Феллини назвал «dolce vita» – сладкая жизнь: то есть искупаться в море, когда ещё светило солнце, потом смыть с себя обильную тирренскую соль в номере гостиницы «Парк Принцессы», а вечером – впрочем, до вечера было ещё далеко. Был ещё не вечер, нам было на двоих не больше девяносто лет, в общем, первая молодость.

Мы перешли через широкую Via Vittorio Emanuele и шли по римским улицам к центральной римской улице Corso... Всё время направо по направлению к Via Nazionale. А там уже и Termini. Мы шли по римским улицам. Жена жжала мою руку и шепнула: «Посмотри налево. Он идёт с нами». Мы, оказывается, шли уже втроём. Третьим был действительный тайный советник Иоганн Вольфганг Гёте:

«Едва я миг отдельный возвеличу,
Вскричав: «Мгновение, повремени!» –
Всё кончено, и я твоя добыча,
И мне спасенья нет из западни».

Вот он и наступил, этот миг – мы шли по римской улице.

Рим вечен. Рим велик. Искренне думаю, что величие Рима, как Материка, как Планеты – это не только и не столько величие Колизея или Ватикана... Величие Океана стоит на величии океанской капли,

величие Рима – в неповторимости и чудесности обыкновенной, нецентральной, скромной римской улицы. Рим составляют улицы, а не дворцы – при всём их величии.

Римская улица неширока, зажата между двумя домами охровой раскраски начала двадцатого века – а сейчас цвета неопределённого, во всяком случае, на русском языке. В общем – не синего, не зелёного, не фиолетового. Что-то среднее между жёлтым, коричневым, красным, бордовым, оранжевым, кирпичным (устал, однако)... Два дома в этих тонах держат в своих ладонях обыкновенную римскую улицу – ноги стучат по брусчатке (никакого асфальта, никаких плиток), глаза мокрые (то ли пот, то ли слёзы – Боже мой, как в юности мы обожали группу «Кровь, Пот и Слёзы»!), руки проверяют, на месте ли кошелёк, шея проверяет, на месте ли жена – она всегда идёт сзади... Магазины без перерыва – чем меньше, тем дороже, кафе, кафе, trattoria, trattoria, osteria, osteria, gelateria (мороженое в Риме – такая же религия, как футбол и паста), spagetteria, банки, банки (в смысле финансовых предприятий), ни одного дерева, ни одного дерева... Возле каждой двери стоят мужчины и разговаривают. Часами. Ко мне, как взгляну на эти бесконечные группы, всегда приходит одна и та же мысль, честное слово – о чём, о чём можно говорить часами? Говорить так горячо, заинтересованно, перебивая друг друга, взрываясь от смеха каждую минуту? Счастливые люди, воистину, хотя сами этого не понимают – взрослые дети. Как могли среди них родиться Данте, Ферми, Микеланджело, Феллини, Бернини, Верди, Тинторетто, Галилей, Тосканини, Торичелли, Сан-

ти, Мастроянни (устал, однако, а скольких не назвал!)... Как могли они появиться среди этих бездельников, трепачей, пижонов? Уму непостижимо... Навстречу шли женщины – монахини в огромных белых шляпах, старухи во всём чёрном (платье ниже колен, чулки, туфли без каблуков), элегантные дамы в нарядах от Версаче, Армани, Валентино, Дольче и Габбана, Гуччи, Риччи, Кавалли..., девчонки в мини юбках и в таких ногах, что слава Богу, создавшего такую телесную красоту, измождённые простые матроны с детьми и бюстом наперевес... И все – итальянки! И здесь не возникает вопросов, как среди них могли появиться Мона Лиза, Софи Лорен, Анна Маньяни, Моника Беллуччи... Было бы странно, если бы они не появились.

Римская улица – одна из самых живых в Европе: она бурлит, переливается светотенью домов и солнца, кричит, смеётся, плачет, ругается, встречается, прощается... Улица манит и манит, кружится и кружится, призывает, зовёт к себе людей всех возрастов – старики и старухи сидят на стульчиках возле своих открытых дверей в квартиру и тоже часами разговаривают, разговаривают... Трудно удержаться от вороватого взгляда в открытую дверь – нищета хрестоматийная: как умещаются в этой кухоньке столик, табурет, холодильник, плита, какие-то ящики, вешалка, икона и ещё много-много всего, чего не успеваешь в одно мгновение рассмотреть и запомнить. Как бы эти ребята жили, если бы был другой климат – не такая благодать, не такая теплота, не вечно-зелёные пинии и вечно-голубые небеса? Воистину всех римлян можно назвать так, как называют сбор-

ную Италии по футболу – Squadra Azzurra, Голубая Сборная...

Мы, наконец, минуя Квиринальский Президентский Дворец, Римскую Оперу, Площадь Республики, Церковь Santa Maria degli Angeli, подошли к площади Чинквеченто, то есть к вокзалу Termini. Сели в наш поезд – народу в отличие от утренней электрички было полно, люди ехали с работы. «Усталые, но счастливые, они возвращались домой» – прелестный, родной советский литературный штамп. Мелькали через каждые пять минут ставшие уже знакомыми названия станций. Люди в креслах дремали, нажимали клавиши ноутбуков, читали книжки в мягких обложках, смотрели в окно... Приехали, Anzio Colonia.

Я обещал не писать об Anzio, но не зарекался говорить о Римском море – назовём так соседствующее с Римом Тирренское море, являющееся одной из многих частей великого моря Средиземного. Честно говоря, я никогда – уж пусть простят меня географы, которые не пропивали глобус, – не понимал, зачем выдуманы все эти виртуальные моря, входящие «в состав» Средиземного: Тирренское, Лигурийское, Адриатическое, Ионическое, Эгейское... Ну, ладно – Тирренское, так Тирренское.

Некрасивых морей не бывает. Небозримая водная скатерть действует магически, завораживающе – глаз не оторвать, как от огня. Вечное движение – *perpetuum mobile* – в неподвижной оправе горизонта. Прекрасно и Тирренское море, когда смотришь на него сверху с набережной Anzio у шоссе, где проезжают не слишком частые машины с итальянскими номерами. Но купаться в нём не приятно, это чистая правда. Во-

первых, оно чрезвычайно солёное, мужчинам, которые плавают, опуская лицо в воду, соль разъедает глаза. Женщинам легче – они ведь не плавают, а так, плещутся, либо плавают стилем, который с высокой долей воображения можно назвать «брассом» – не опуская голову в воду, волосы боятся намочить. Во-вторых, нужно идти, идти и идти, пока вода дойдёт до колена, как в Юрмале. Но дно песчаное, и на берегу песок, а не камни с галькой. В общем, «это – не Рио-де-Жанейро», как утверждал знаменитый черноморский купальщик.

Уж если мы заговорили о пляжах Средиземноморья, то ответственно заявляю: самый лучший пляж, «мечта поэта», самое волшебное место, чтобы купаться и загорать – в Каннах (во Франции на Лазурном берегу) – золотой песок, золотое (потому что крупинцы песка на дне блестят на солнце сквозь прозрачную воду) море. Очень хорошо на пляжах Хорватии и Греции. Хуже в Испании: волны большие. Просто невозможно купаться в Ницце. За Турцию, Израиль и Северную Африку не скажу – не был.

На завтра у нас по плану был Колизей.

Станция метро «Colosseo» – вторая от «Termini». Да и пешком близко. Путь нескучный, что ни здание, то памятник. Для пытливых туристов укажу только на два объекта, которые нельзя не увидеть, коли вы уж имеете счастье находиться в Риме и идти от вокзала к Колизею. В принципе, чем больше ходишь по Риму, чем больше изучаешь Рим, тем больше с фатальной неотвратимостью понимаешь – Рим неисчерпаем, бесконечен. Жизни не хватит, чтобы всё увидеть. Дежурный тури-

стический набор лишь открывает дверь в этот город. Уезжаешь со смешанным чувством счастья и горечи – неужели это всё? Ведь столько осталось не увиденным...

Первый объект – это собор Санта Мария Маджоре, то есть Святой Марии Великой, Богородицы. Красоты, именно красоты (а не величия, масштаба, мощи) неопишуемой. Неопишуемой. Алтарь, убранство, часовни, потолок... Собор является территорией Ватикана – это Папская Базилика. Я заговорил в одной из исповедален с очень внешне внушительным католическим чином – Монсиньором Мигуэлем Маури Буэндиа, оказывается, он был Папским Нунцием в Казахстане. Мир тесен. Второй объект – церковь Сан Пьетро ин Винколи – Святого Петра в Цепях, построенная в пятом веке как святилище для цепей, которыми Ирод сковал святого Петра в Палестине. Внутри церкви – ничего особенного по римским меркам, кроме одной детали, которая превращает San Pietro in Vincoli в туристическую Мекку и ... да что там говорить... Мы вошли в церковь с женой часов в десять утра, она (церковь) была почти пуста, «деталь» находилась далеко в правом углу, сразу и не видна. Это – «Моисей» Микеланджело. Скульптура предназначалась для собора святого Петра как часть проекта гробницы Папы Юлия II (ясное дело – Юлий в роли Моисея для народа), который перебросил мастера со своей гробницы на роспись Сикстинской капеллы.

Самая интересная подробность поразительной по своей выразительности сидящей фигуры старика Моисея – это два рога на голове, которые на самом деле были не рога, а два луча, освещавшие путь

еврейским товарищам в пустыне до того, как они выстрадали своё еврейское счастье считаться и называться израильтянами вследствие наименования каменистой местности к западу от реки Иордан. Это – отдельная история (про рога и копы..., простите – рога и лучи), интересующиеся могут обратиться к первоисточнику, увлекательной и познавательной книжке, называется «Ветхий Завет».

Когда подъезжаешь на метро к Колизею, конечно, невольно готовишь себя к встрече с этим античным цирком, но когда выходишь из метро, то без «Ах!» не обойтись – впервые увидев ЭТО. Он вырастает перед глазами, как волшебный гигант, действительно Колосс, действительно Фантастика. Важный для дотошного туриста, у которого никогда нет времени за границей и который прежде всего должен посмотреть «самое-самое» и с более или менее спокойной душой за недаром потраченные большие деньги, факт – именно Колизей есть, во-первых, основной символ Рима, во-вторых, основной символ вечности Рима. То есть Рима как Вечного города.

Однако это «Ах!» имеет ещё одну, не менее важную психологическую сторону: человек своими зрачками, сетчатками и хрусталиками видит то, что с самого детства видел в книжках, в кино, по телевизору и т. д. И – вот ОНО наяву! В этом смысле Колизей не может быть сравним ни с одним другим римским памятником. И в мире таких чудес как пальцев на одной руке – Эйфелева Башня, Биг Бен, Пизанская Башня, Китайская Стена...

Вряд ли многие русские туристы едут в Рим, чтобы увидеть собор Святого Петра или Пантеон.

Но ВСЕ, именно ВСЕ хотят увидеть Колизей. Здесь – слово Михаилу Юрьевичу:

«Ликует буйный Рим...

торжественно гремит

Рукоплесканьями широкая арена:

А он – пронзенный в грудь –

безмолвно он лежит,

Во прахе и крови скользят

его колена...

И молит жалости напрасно

мутный взор».

... Когда я был ещё дитя и начинающий читатель (о моём писательском будущем и помыслить тогда было совершенной утопией), то отчётливо запоминал те дни, когда папа приносил домой купленные книги, даже не просто книги, а собрания сочинений: Бунина, Толстого, Голсуорси, Франса, Куприна... и ещё многих, многих других классиков. А первым был Лермонтов – четырёхтомник лазурного цвета с красивым орнаментом на обложке. Первый том начинался с этого стихотворения – «Ликует буйный Рим». И был рисунок двух гладиаторов (недавно на мой вопрос студенту художественного ВУЗа «что такое гладиатор?» юноша искренне ответил: «утюг, наверное»...) – поверженного и ликующего. Рисунок был сделан, кстати, отцом Бориса Леонидовича Пастернака Леонидом Осиповичем (Исааком Иосифовичем) Пастернаком в 1891 году. Мне моментально вспомнилась эта картинка, когда я впервые увидел Колизей. Это – не постройка, не великое архитектурное сооружение, не памятник даже – это символ человечества, символ планеты Земля: «Пока стоит Колизей, будет стоять Рим, когда Колизей обрушится, рухнет Рим, а когда рухнет Рим, то рухнет и весь мир», – говорили неглупые англосаксы, которых никак нельзя причислить

к стану друзей Рима. Колизей – ровесник Scala Santa, первый век нашей эры. 50000 зрителей, даже сейчас, по нынешним меркам, это далеко не маленький стадион.

Колизей – колоссален (намеренная тавтология автора). Строе-ние овальной формы в «три обхва-та» (в буквальном смысле) стен с окнами и оливковыми деревьями вокруг – и именно эти красавицы – оливы придают Колизею какую-то драматургическую завершенность и «всамделишность» – как фигурки людей на архитектурном макете будущего градостроительного комплекса. Прибавим ряженных в красных плащах и латах – «римских воинов» для оживления туристических фотоальбомов, золотые колесницы в той же функции, льющиеся из динамиков кварто-квинтовые созвучия, создающие атмосферу «буйного Рима»... Всё это, конечно, опера, даже оперетта, но какова декорация...

Мы ходили внутри Колизея, и я всё время неосознанно искал что-то такое, о чём говорил в связи с San Giovanni и San Pietro – что-то сокровенное, прямо устремлённое к сердцу моему вне туристической шелухи слов и беготни. Случайно, когда я смотрел вниз, на пол – просто чтобы не упасть и не убиться, что в Колизее не редкость, я заметил, что одна из плит – светлая и отличается по цвету от тех, что окружают её. Я спросил об этом гида. Она ответила: «Да, несколько мраморных плиток осталось с момента постройки, с первого века. Колизей внутри ведь весь был мраморный. Весь мрамор растащили, это – одна из оставшихся чудом плиток».

Вот это и было то, что я искал. Прямая нить, одно рукопожатие. Жена следила одним глазом

за группой, которая ушла вперёд, другим – за мной, чтобы я (и мы) не потерялись. А я, сидя на корточках, гладил (гладиатор – !) рукой бело-розовую полированную веками и ногами поверхность камня. Это происходило в верхних рядах, то есть сидели здесь люди небогатые, не сенаторы, не патриции, но и не рабы, а ГРАЖДАНЕ РИМА. Это великое было звание «в те поры». Это звание спасло апостола Павла от страшной казни на кресте, ему просто отрубили голову – римские граждане (а апостол Павел носил этот потомственный титул) имели льготы, будучи приглашёнными на казнь.

Теперь можно было и уходить. Всё же, как ни крути, место это – не слишком для души приятное, здесь кровь человеческая лилась такими реками, что и представить трудно. А главное – бесцельно, просто на потеху этих самых «простых, бедных, искренних»... римлян, их прадедушек, которые вместо матча «Ромы» с «Ювентусом» шли, весело болтая и прихлёбывая освежающие напитки, поглядеть, как один парень вонзит короткий меч (гладиус) в живот другому парню. «O tempora, o mores!» – скажете вы вслед за Цицероном. Ничего подобного – это лишь пустая, но внешне эффектная римская риторика. Времена и нравы всегда одинаковы. Ничего в мире не изменилось. Только вместо короткого меча автомат Калашникова.

Мы вышли на площадь Венеции, поглядели на балкон Муссолини, на Монумент Виктора Эммануила, пошли по Корсо, свернули на Via Condotti, вышли к Испанской Лестнице... В принципе нам было нужно на улицу Франческо Криспи, 53 – потому что я вчера там в ателье заказал себе брюки.

Вчера, когда мы спускались с красивой (но не более) улицы Veneto к Via Sistina, мы на этой самой Francesco Crispi проходили мимо весьма скромной маленькой витрины с одеждой, на вывеске значилась фамилия «Carbotti». Я вспомнил, что хотел купить брюки, и мы зашли. Внутренность за дверью не оставляла желать лучшего: всё отделано богатым деревом, несколько элегантных сотрудников с улыбками, многоуровневый интерьер с лестницей на второй этаж, полки, стеллажи, шкафы, ящики, галстуки... в общем – не по карману нам это великолепиие, подумал я, но было поздно – нас уже спрашивали, что нам угодно.

Я ответил, красивый, но малобритый один из двух братьев Карботти, Даниэле (на груди была табличка) повёл нас на второй этаж. Он спросил, какие брюки. Я, как мог, объяснил – стопроцентная шерсть, серые. Язык, на котором мы изъяснялись, представлял собой отдельную юмористическую новеллу. Английский лексикон Даниэле простирался от «Мистер» до «Плиз», я обладал значительным ассортиментом итальянских музыкальных терминов, малопригодных при покупке брюк. Но брюки висели в изобилии, нужно было просто указать, какие мне нравятся. Я показал, он снял их и я увидел цену – 119 евро. Произведя моментальную операцию умножения, я понял, что дальнейшее собеседование излишне, и нужно отсюда валить по-быстрому. Но, когда я посмотрел на жену, которая кивнула мне, тут же меня поняв, и мы сделали некоторый поворот корпусом – Даниэле взял бумажку и написал «75». Это было другое дело, и наши корпуса произвели обратное движение, вернувшись в

исходное положение. Можно было перейти к примерке.

Однако это было не очень просто. На мне был боевой туристический доспех русского путешественника – рваные кеды на босую грязную ногу, «крахмальная» от пота футболка, шорты с молниями на задних карманах для защиты материальных средств нашей семьи от римских экспроприаторов. Я с виноватой улыбкой показал на нижнюю часть своего тела. Даниэле выставил обе ладони вперёд, улыбнулся и удалился – через минуту he was back, держа в руках шикарные чёрные туфли и новые (с этикеткой) белые носки. Вы можете представить нашу реакцию. Хотя нет, не можете. Это нужно пережить самому – этот parfume капитализма.

Теперь мы шли к братьям Карботти не с пустыми руками – у нас в сумке были носки, мои личные чистые малоодёванные носки, привезённые в Рим из Новосибирска на случай морозной погоды. Всё дальнейшее уже не так захватывающе: мы пришли, Даниэле принёс те же туфли (чтобы понять, верна ли длина брюк), улыбнулся, когда я с гордостью вынул СВОИ носки, брюки были изумительные, пакет, в который нам их положили, ещё изумительнее. Брат Даниэле (старший, видимо), который бесконечно курил на улице, болтая с приятелями, протянул мне визитную карточку, когда мы уходили. Лица братьев до сих пор у меня перед глазами, в принципе можно позвонить, спросить, как дела, как там вообще – в Риме...

Одно из самых очаровательных, замечательных римских мест, где в истинном смысле отдыхает душа, о котором нельзя не написать – это площадь Навона, я о ней уже упо-

минал. Площадь находится слева от Корсо и Пантеона, где похоронены два святых для Италии человека: Рафаэль Санти (на могиле которого начертано «Здесь покоится Рафаэль. Великая мать – природа боялась быть им побеждённой и погибнуть с его смертью») и король Витторио Эммануэле, объединитель Италии.

В центре площади высится исключительной красоты монумент – фонтан Четырёх Рек работы Бернини, которых символизируют четыре Бога: Нила (Африки), Ла-Платы (Америки), Дуная (Европы) и Ганга (Азии). Фонтан прекрасен, но если бы его не было на площади, она, на мой взгляд, не стала бы менее очаровательна. Площадь прекрасна не своими историческими архитектурными шедеврами, а как раз наоборот – теми живыми, искрящимися достоинствами, о которых я говорил в связи с римской улицей, хранящей сердечный пульс итальянской столицы. Площадь Навона – то же самое по своему духу, по своему настроению, по своей внутренней красоте. Это – римский театр, где актёры – сами римляне и бесчисленные туристы, которые позируют для уличных художников, фотографируются у трёх фонтанов (ещё фонтан Мавра и фонтан Котельщиков), сидят на лавках, едят мороженое в кафе на воздухе... Бегают дети, поют уличные певцы и певицы, летают и важно шагают голуби... *Dolce far niente* – прекрасное ничегонеделание. Только на площади San Marco в Венеции я чувствовал такое же настроение, такую же атмосферу. Если пытаться как-то определить её коротко, афористично, то я бы сказал так: Радость Жизни. Да, радость жизни, которая как-то ускользает от

нас на улицах Самары, переулках Дюссельдорфа, тупиках Загреба, проспектах Мадрида... а вот здесь, на площади Навона в Риме выплёскивает всю свою счастливую энергию на счастливых людей, которые хотя бы в это одно мгновение своей жизни были искренне счастливы. Счастливы тем, что никуда не торопятся, никак не озабочены, ничего не делают, ни с кем не ссорятся, никем не обижены... Из фонтанов фонтанирует вода, уютнейший Храм Святой Агнессы, созданный великим Франческо Борромини в вечной и лютой борьбе с великим Лоренцо Бернини, эту воду благословляет, египетские Боги с вершины обелиска, парящей над древним водным цирком императора Домициана, взирают на это католическое пиршество...

Когда будете на площади Навона, купите мороженое в кафе (при этом произнеся волшебные слова «take away» – то есть «взять с собой») (так будет немного дешевле), садитесь напротив фонтана Четырёх Рек и думайте, что всё-таки есть в жизни счастье.

Внутренне чувствую, что нужно закругляться, пока финал получается позитивным, социально оптимистическим и вперёдсмотрящим. Всё-таки отмечу насчёт «вперёд» – почему-то основное количество монет по специальной методике (стоя спиной, через левое плечо) бросают не в Фонтан Четырёх Рек, а в Фонтан Треви – они недалеко друг от друга, километр – не более. Именно на незабываемый роскошный Треви с Нептуном в колеснице-раковине туристы возлагают особые надежды вернуться в Рим. А пока орлы на монетах машут туристам своими крыльями – прощаются.

Arrivederci, Roma!

Михаил КАРПЫЧЕВ

Летний дождь в ноябре

Ноябрь

Ноябрь давно уж наступил,
Река же всё течёт, живая,
Над ней кружит снежинок стая,
Но воды ещё полны сил.

Летит пушистый мокрый снег,
Ложась на руки жёлтых листьев,
На тонкие рябины кисти,
На полукружья бледных век.

Не вижу я конца реки
С моста, где часто проезжаю...
Возможно, нет конца и края
Течения моей строки?

Подумать так позвольте нам...
Порукой же – реки движенье
И гордое неподчиненье
Связавшим нас календарям.

В счастливый для природы час
Течёт река по снежным странам
В ноябрьский день, что очень странно,
Но странности вселяют в нас
Крупницы веры в чудеса,
В победу жизни надо льдами,
Когда с ноябрьскими ветрами
Плывут по водам паруса.

Сиротство и блаженство
Белле Ахмадулиной

Ну, наконец-то будем знать мы впредь
Цель нашей жизни, смысл
и совершенство:
Не только без людей прожить суметь,
Но ощутить сиротство как блаженство.

Неверно видеть счастье, господя,
В любви, искусстве, цветоводстве...
Свой идеал найдём мы лишь тогда,
Когда блаженство ощутим в сиротстве.

Пришла Прекрасная, как Мекки свет,
Божествен лик её Преосвященства...
Мы сохраним её святой завет
Благословить сиротство на блаженство.

В затворе мы должны немало дней
Прожить в печали, чтоб заметить сходство
Пустынь безмолвных с шумом площадей
И ощутить блаженство как сиротство.

* * *

Попробуй сжечь себя, вскрыть вены,
Разрезать кожу до кости.
Ни в чём не будет перемены,
Продолжить легче, чем уйти.

Но время, мастер дел заплочных,
Поможет нам в себя придти.
Поймём и мы: конечно, легче
Остановиться, чем идти.

* * *

Давайте поднимем бокалы совместно,
Давайте закусим, любя
Друг друга, соседей, артистов известных,
Врачей, продавцов и себя...

Давайте дружить независтливо, честно,
Давайте обнимем друзей
И жён дорогих – молодых и прелестных,
А жёны обнимут мужей...

Давайте почешем за ухом овчарок
И в нос поцелуем котят,
Давайте бухгалтерше купим подарок
В начале весенних декад.

Давай поцелуем любимую маму
И купим ей крем для лица...
И если в добре к людям будем упрямы,
Любви к нам не будет конца.

Летний дождь

... Так целебна душе нашей, верьте мне,
Однотонность небесных посланий...
Так приятно представить, что смерти нет
И невыполненных обещаний.

Дождь прямой, и косой, и слепой почти,
Плохо видя, нам жизнь проясняет.
Ты послушай дождливые повести,
Что текут, души нам очищая.

Выйди в дождь на балкон зарешёченный,
Протряни руки через решётку
Зла и горя, обиды просроченной,
Ты со счастьем – почти одногодки.

Я постарше, но ведь не намного же...
Я займусь крепко самолеченьем,
Хоть я кесарево и скошенный,
Но плыву с песней против течения.

Против грязи, что поверху плавает,
И дерьма, что не тонет годами,
По реке с водяными удавами,
Молчаливых стихий господами.

Но в стихиях стихи и рождаются!
Поливаемы летом дождями,
Прорастают они и вздымаются,
Разрывая удавки кровями.

У пловца гланды строчек распороты,
Но душа не задушена песни,
По-над водами кружатся вороны,
Но живые им не интересны.

Но мы – живы! Споём на два голоса!
Дожди тёплые в летних одеждах,
Окропите святой водой волосы
И налейте по кружке надежды.

В подражанье Пастернаку

Деревья пели за стеклом,
Деревья пели.
Мели метели за окном,
Мели метели.

В двенадцать тридцать. Как всегда.
В двенадцать тридцать.
Баку мне снится иногда,
Баку мне снится.

Кресты мелькнули в белой мгле.
Кресты мелькнули.
Я ехал к Юле в феврале.
Я ехал к Юле.

В вагоне людно и тепло.
В вагоне людно.
Порою трудно. Но светло.
Порою трудно.

А поезд мчался, как танцор...
А поезд мчался...
В скольльзящем вальсе. На простор.
В скольльзящем вальсе.

Пылали розы у реки.
Пылали розы.
Большим морозам вопреки.
Большим морозам.

В платке и шубе из песка.
В платке и шубе.
Шептали губы у лица.
Шептали губы.

Волшебный город я искал.
Волшебный город.
Песцовый ворот целовал.
Песцовый ворот.

Восьмое марта

Восьмое марта – день весны,
Начала ежегодной веры
Во всевозможные химеры
И в процветание страны.

Но с каждым часом всё теплей,
И день становится длиннее,
На сердце как-то посветлее,
А всё же слёзы из очей
Текут, и в том числе весной,
Возникнув самопроизвольно...
Какой-то глупый страх невольный,
Рождённый трепетной душой,
Нас возвышает над собой,
И мы покорно, добровольно,
Любуясь тем, что сердцу больно,
Так упиваемся весной.

Ю. Ф. Мимозы, между тем, цветут,
Нас осеняя, овесняя
Мечтой грозы в начале мая...
Мимозы к женщинам ведут,
В их странный мир сплошных причуд,
Где мы теряем самовластье,
Порою обретая счастье
Иль пряникообразный кнут.

А снег уж чёрен, гололёд
Мешает нам ходить беспечно,
Но снег и скользкость не навечно,
Они пройдут, и жизнь вперёд
Счастливо устремится... Нет,
Не только к смерти, но и к лету,
К потокам солнечного света,
В столовой греющих обед
И воды северной реки,
Исток которой – в снежном марте,
Текущей по памятой карте...
Без карт не могут речники.

* * *

Ты никому не интересен,
Ты должен это твёрдо знать,
Глаза и руки твоих песен
Слезой омоет только мать.

Никто души твоей алмазы
В свои ладони не возьмёт,
Никто судьбы твоей рассказы
Любящим сердцем не прочтёт.

Никто не даст тебе участия,
Ни Бог, ни царь и ни герой,
И ты ни с кем не будешь счастлив,
Ты будешь счастлив сам с собой.

Никто дороги не уступит,
Твоя судьба – твоя война,
И если жизнь судьбу погубит,
То проигрыш – твоя вина.

Зелёно-жёлтая листва

Зелёно-жёлтая листва
Мне шепчет тихие прощанья.
Шумит сосновая молва:
«Я не прощаюсь... До свиданья!»

Река течёт сквозь тёплый лес
Под барабанный бой пернатых,
Редует золотой навес,
Я провожаю провожатых.

Смотрю вослед я им тогда,
Когда они, свернув с дороги,
Уходят словно навсегда
В благословенный мир эклоги.

Они со мной, они во мне,
Их лица с серыми глазами –
В июльских снах, в дождливом дне,
В косынках с жёлтыми цветами.

Года идут, бегут, летят,
Но вопреки привычке свыше
Я эти лица видеть рад
Всё больше, искренней... Ты слышишь?

Прорвались мы – два трюкача –
Сквозь разносортные гоненья,
И на столе горит свеча,
Горит! – Как памятник терпению.

С тобою мы пройдем весь лес
И подойдем к обрыву вместе...
Сквозь ткани дождевых завес
Твои глаза – на мокром месте.

* * *

У каждого своя судьба,
Своя дорога и призванье,
У каждого своя мольба,
Свое рожденье и прощанье.

Мольба молитвою была,
Когда творилась в тихом храме,
И голубиноного крыла
Касались нимбы в тесной раме.

У каждого своя борьба,
Аустерлиц и Ватерлоо,
У каждого своя арба
С поклажей доброго и злого.

Борьба прощением была,
Когда прощала тайной ночью
Сидевших вокруг Его стола
В заснувшем городе восточном.

У каждого своя стрельба,
Свои мишени и раненья,
Иерихонская труба
Поёт иль плачет в дни сраженья.

Ю. Ф. Стрельба оливою была,
Когда в садах Ершалаима
Смирляла гордого орла,
Посланца царственного Рима.

У каждого своя судьба.
Одна. Без права перемены.
Твоя хозяйка и раба.
Твоя канва короткой сцены.

Раба царицею была
И, вероятно, ею будет,
Как только сядет на осла,
Её на трон посадят люди.

* * *

Природа преисполнена чудес
Кто, где, когда придумал это...
Ну, в общем, всё... Весну, планеты,
Слонов, мужчин, метель и хвойный лес,
Какие-то тычинки и реку,
И воду в ней, снега и горы,
И то, что называют «флора»,
И солнца луч на голубом лугу,
Разрез японских узких грозных глаз,
Лиловый отблеск кожи негров,
Солому золотую венгров,
Индейцев смоляной прямой атлас?
Скажи мне, может, знаешь, парень, кто
Придумал цвет лазурный небу,
И жёлтый – будущему хлебу,
И тёмно-синий – моему пальто?
Скажи мне, может, знаешь, парень – как
Работал этот мастер старый,
Создавший каждой твари пару...
Скажи мне, парень, кто же этот маг?

* * *

Итак, ещё одно сказанье
Легло в собранье сочинений...
Действительно, свежо преданье
Моих душевных откровений.

Стихи свежи, как свежи розы...
(Иван Сергеич, выпьем вместе?)
Моей судьбы метаморфозы –
Любовь и ненависть без лести.

Прими, читатель, благосклонно
Фрагмент судьбы, в стихи проросший,
В её рифмованные клоны
Под ностальгической порошей...

Писал я искренне, сердечно,
И слёз пролитых мне не жалко.
«Жизнь коротка, искусство – вечно», –
Сказал водитель катафалка.